

**«Доказательство Творческого Бытия» Г.Р.Державина
и «Переложение псалма 18» Е.И.Кострова**

А.Г.Маслова

Вятский государственный гуманитарный университет

Ключевые слова: жанр переложения псалма, Г. Р. Державин, Е. И. Костров, русская поэзия XVIII века

В 1796 году в журнале «Муза» было напечатано стихотворение Г. Р. Державина «Доказательство творческого бытия» (1796, ч. III), написанное по мотивам 18-го псалма, а в альманахе «Аониды» появилось Переложение псалма 18-го, выполненное Е. И. Костровым. Примечателен факт обращения к одному и тому же псалму в один и тот же год сразу двух поэтов. Этот псалом представляет собой гимн прекрасному миру, сотворенному Господом, гимн Божьему величию. Однако и у Г. Р. Державина, и у Е. И. Кострова в их переложениях ведущая идея псалма Давида осложняется мыслью о доказательстве Божественного бытия. У Державина эта мысль вынесена в заглавие и повторяется в последней строфе:

Всем закон природы зримый ясный
Может смертным доказать:
Без Творца столь стройный мир прекрасный
Сей не может пребывать

[Державин 1958: 156]

У Е.И.Кострова в тексте переложения звучит подчеркивается та же мысль:

И нет словес, и нет языка,
Где б гласы их, что есть Владыка,
Не возвышались во слышание всем

[Костров 1796: 199].

Е. И. Костров, усвоивший как ученик духовной семинарии с ранней юности основы религиозного учения, также, как и Г.Р.Державин, счел нужным противопоставить распространяющимся в обществе безбожным взглядам духовную истину о благе и величии Творца.

Подобная тема в оригинале отсутствует. Актуализация данной темы у поэтов последней трети XVIII века обусловлена культурно-исторической ситуацией того времени, когда в моду вошли материалистические и атеистические идеи, привнесенные в русскую действительность европейскими писателями и философами.

В произведении Г. Р. Державина сам ритмический состав, цветовые и световые зримые образы, звукопись – все, как заметила Л. Ф. Луцевич, служит главной идее –

возвеличить Творца, показать путь его постижения – через сотворенный прекрасный гармоничный мир [Луцевич 2002: 277–280]. Стихотворение Державина не является собственно переложением, оно создано по мотивам библейского псалма, и автор актуализирует в своем произведении далеко не все темы текста-прототипа, обращаясь только к начальным стихам.

Е. И. Костров в своем переложении следует логике библейского оригинала, но в его произведении появляются и другие мотивы, отсутствующие в тексте-источнике. Так, в варианте Кострова усилен мотив веселья и радости при виде славы Божьей, являющейся в природном мире: в славянском варианте Библийского текста один раз звучит слово «радуется», один раз слово «веселят»; у Кострова – «весельем полня грудь», «ликует», «веселый блеск», «Веления Господни сладость, / Они желанна мыслям радость» [Костров 1796: 200–201].

Появляется у Кострова и мотив обновления души в вере, которого нет в оригинале: «В законе Господа пороку быть не можно; / Он новую душе собою жизнь дарит. / Вещание Творца и верно и неложно; / Оно и отроков премудрыми творит» » [Костров 1796: 200] (Ср.: «Закон Господа совершен, укрепляет душу; откровение Господа верно, умудряет простых» [Пс. 18: 8]). С чем связано включение этого мотива обновления души в текст псалма? Почему мотив радости занимает такое важное место в тексте Кострова? Это вопросы, на которые можно и нужно искать ответ. Выскажем предположение, что, возможно, как и многие современники, Костров пережил период сомнений в Божественном бытии, период «безбожия», который стал причиной тревог и трагического смятения. Преодоление сомнений, возвращение к Богу приводит к обновлению души и радостным переживаниям, отразившимся в переложении псалма. Подтверждением данной трактовки может служить и появление мотива о рабстве души, погрязшей в грехах, и свободы человека, утвержденного в вере и умеющего владеть собой и не поддаваться порокам:

Да раб не буду им, но да собой владею,
Ты помощью меня, о Боже! утверди:
Тогда невинен и свободен,
Во всем тебе благоугоден,
Обращу истинно достоинство души

[Костров 1796: 202]

Появляется здесь еще и эпитет «невинен», в котором актуализируются одновременно два смысла: «не виновен» перед судом Господним, и «невинен» как дитя, то есть непорочен, чист. И хотя эпитеты «непорочен» и «чист» звучат в оригинале, к такому концепту, как «детскость, невинность души», они могут быть отнесены лишь опосредованно. С другой стороны, введенные Костровым в текст псалма мотивы уси-

ленно разрабатывались в святоотеческой традиции, которой, возможно, следовал поэт XVIII столетия.

Можно обозначить значительно большую роль лирического субъекта в костровском тексте по сравнению с библейским источником. Если в песне Давида лирическое «я» появляется лишь в последних строках и создает обобщенный образ человека, готового во всем положиться на Бога («От тайных моих [грехов] очисти меня. <...> Тогда я буду непорочен и чист великого развращения. Да будут слова уст моих и помышление сердца моего благоугодны пред Тобою, господи, твердыня моя и Избавитель мой!» [Пс. 18: 13–15]), то у Кострова образ лирического субъекта более индивидуален и появляется уже в строчках, ориентированных на 12-ю часть псалма:

Ср.: «И раб Твой охраняется ими: в соблюдении их великая награда [Пс. 18: 12]; «И я, твой раб, в них поучаюсь, / Благой надеждою питаюсь, / Что в исполнении их мне мзда твоих даров [Костров 1796: 201].

Если в оригинале псалмопевец обращается к Богу с просьбой удержать «раба» своего от умышленных грехов и очистить от тайных (то есть неумышленных), то у Е. И. Кострова расставлены иные акценты:

Мне, Боже! не вмени неведенья грехов;
И равно волею содеянны моею
Мне беззакония прости и пощади

[Костров 1796: 201–202].

Здесь не столько просьба об укреплении силы противодействия грехам, сколько просьба о прощении и милости Божьей. Примечательно, что духовная просьба Кострова к Богу о прощении и милости была напечатана в альманахе в год смерти поэта.

Так, мы видим, что и Г. Р. Державин, и Е. И. Костров, обратившись к тексту 18-го псалма, использовали его для противостояния сомнениям в бытии Божьем, утверждая мысль о бесспорной тварности мироздания, созданного благим и совершенным Богом. Если Г. Р. Державин в своем стихотворении акцентировал внимание только на этом мотиве, то Е. И. Костров внес в переложение свое лирическое «я», отразив в стихотворении свои переживания и сомнения, обратившись незадолго до своей смерти к Богу с просьбой о милости и прощении.

Литература

Державин Г. Р. Стихотворения / Г.Р.Державин. – М.: Гос. изд-во худож. лит., 1958. – 561 с.

Костров Е. И. Переложение псалма 18 / Е.И.Костров // Аониды, или Собрание разных новых стихотворений. – Кн. I. – М.: в Университетской типографии у Ридигера и Клаудия, 1796. – С.199–202.

Луцевич Л. Ф. Псалтырная поэзия Г. Р. Державина / Л.Ф.Луцевич // Луцевич Л. Ф. Псалтырь в русской поэзии. – СПб.: Дмитрий Буланин (ДБ), 2002. – С.436–494.

**Зеркальность явлений как особенность драматургии комической оперы
Н.А.Львова «Сильф, или Мечта молодой женщины»**

И.Д. Немировская

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия
(Самара)

Ключевые слова: русская комическая опера последней трети XVIII века, Н.А. Львов, усадебная культура.

В опере «Сильф...»¹ (1 ред. – 1778, 2 ред. – 1792–1793) пять действующих лиц – молодая супруга Мира и ее служанка Нина (обе сопрано), супруг Нелест (он же Сильф) и учитель игры на арфе, итальянец Торини (оба тенора), дворник Андрей (бас). Налицо две группы персонажей – лирическая группа (супруги Мира и Нелест / Мира и Сильф Неис) и комическая группа (Нина; Торини и Андрей). Пружина драматического действия заключается в неоднократном использовании типичного приема комедии, когда одно принимается за другое (мы видим, как Мира принимает Нелеста за Сильфа, Андрей принимает Нину за барина, а затем за черта). Основная идея пьесы – прославление супружеского счастья.

В опере пересекаются несколько сюжетных линий. Главная линия – это любовь умного супруга Нелеста к своей молодой жене Мире (даме с тонкой душевной организацией) и настойчивое стремление завоевать ее взаимность. Тоскующий Нелест пытается найти специфический подход к мечтательной Мире (им окажется просто шутка), стремится угадать ее желания, он терпелив и разумен. Нелест – настоящий рыцарь. Но все, что он делает, отвергается Мирой, считающей, что за этим стоит наружная учтивость и притворные ласки, которые она считает отвратительными. Вместо реального мира и реального супруга впечатлительная девушка Мира живет в мире снов. Главную сюжетную линию (любовь Нелеста к Мире) дополняет параллельная линия – линия любви Миры к Сильфу – небесному духу, прекрасному мальчику 15-ти лет с крыльями, которого она видела во сне. Мира мечтает быть Сильфидой и вознестись на воздух вместе со своим возлюбленным. Ей мила ночь и ненавистен день,

---

¹ *Львов Н.А. Сильф, или Мечта молодой женщины // Львов Н.А. Избранные сочинения. – Кёльн; Веймар; Вена; Бёлау; СПб.: Пушкинский Дом, РХГИ, Акрополь, 1994. – С. 233. Далее страницы этого издания будут указаны в тексте в круглых скобках.*